

Свечение рассеялось, удушающая тяжесть отступила, и люди вздохнули с облегчением, словно пробудившись от долгого, липкого сна. Лишь теперь ученики бессмертных сект один за другим опустили мечи и ступили на твердую землю.

— Божественный владыка Сюань Ли победил!

— Вот она, истинная битва гроссмейстеров... Каждый выпад, каждый взмах способен горы сокрушить и небеса расколоть!

— Владыка Сюань Ли, должно быть, уже постиг Царство великой пустоты!

— Невероятно! Мать твою, не зря я тащился в такую даль, не зря!

Один из наследников благородных кланов, разглядывая тяжело раненного Сюань Чжэня, негромко обронил:

— Да уж, с такими ранами владыка Сюань Чжэнь месяца три, а то и все пять с постели не встанет.

Как назло, именно в это мгновение гомон над площадью стих — внезапно и слаженно, словно по уговору. Слова юноши прозвучали в мертвой тишине колокольным звоном. Сотни взглядов тут же скрестились на Сюань Чжэне. Лицо поверженного владыки от ярости потемнело, наливаясь грозовой синевой.

Наньгун И бросился к наставнику, пытаясь подставить плечо, но Сюань Чжэнь в ослеплении гневом позабыл о всяком приличии. Грубо оттолкнув преданного ученика, он, хромя, побрел прочь, даже не глядя по сторонам.

Линь Цанхэ смотрел на удаляющуюся фигуру Сюань Ли, и на душе у него скребли кошки. Какая ирония. Когда-то в Кровавом царстве бездна, разделявшая их, была столь же глубока, но тогда именно тот стоял внизу, глядя на него снизу вверх. Колесо сансары совершило оборот, и роли переменились.

Лишь теперь он по-настоящему понял, что чувствовал юноша в те далекие дни, как отчаянно рвался встать с ним в один ряд, плечом к плечу.

Впрочем, к грусти примешивалось изрядное раздражение.

"Если уж я пробудился, — мысленно ворчал Цанхэ, — то почему мои прежние силы не вернулись следом? Здесь явно кроется какая-то ошибка".

Но делать было нечего. Оставалось лишь стиснуть зубы, тренироваться до седьмого пота и пядь

за пядью сокращать это унижительное расстояние.

Исход поединка потряс собравшихся до глубины души. Те из молодых господ, кто еще утром малодушно вычеркнул Дворец Небесного Механизма из своего списка, теперь загорелись безумным желанием во что бы то ни стало попасть в ученики к победителю. Толпа ринулась искать столы для записи, но тщетно: на всей площади не нашлось ни единого упоминания о наборе во Дворец Небесного Механизма.

Лишь расспросив старейшин, паломники узнали горькую правду: великий владыка и не думал обзаводиться преемниками. Он явился на состязания Праздника двух девяток исключительно ради того, чтобы составить компанию своему единственному ученику — просто, так сказать, прогуляться.

Разочарованию искателей не было предела, а зависть к Линь Цанхэ разгорелась с новой силой. В итоге большинство смирилось и пошло на поклон к другим старейшинам, но нашлись и упрямцы, решившие выждать. В конце концов, раз уж Сюань Ли сделал исключение для одного, почему бы ему со временем не принять и второго?

Поодаль от толпы стоял Наньгун Юэ. Он не отрывал решительного взгляда от удаляющегося силуэта Сюань Ли. Юноша поклялся себе: чего бы это ни стоило, он добьется признания этого человека. Если владыка не станет набирать учеников в этом году, он подождет следующий. И еще один. Юэ не подозревал, что его верность затянется на долгий век.

Так, под аккомпанемент глухих стонов побитого Сюань Чжэня, шумно начавшееся собрание Праздника двух девяток подошло к бесславному концу.

Пока на площади звенели торжественные клятвы новоиспеченных учеников, затерявшийся в толпе Ван Нин мрачно кривился. Линь Цанхэ дышал, Сюань Ли не получил ни царапины — весь его тонкий замысел пошел прахом.

"Ублюдок Лань И, — злобно подумал он. — Живучий как сорняк. Хрен его изведешь".

Сюань Ли уже собирался забрать своего протеже и покинуть гору Цанъи. Ловить здесь больше было нечего, и Ван Нин, скрывая лицо под капюшоном, скользнул в тени деревьев, намереваясь скрыться.

Но стоило ему миновать тропу у подножия горы Цанъи, как воздух над его головой с визгом рассекла сияющая печать меча. Ван Нин резко отпрянул в сторону, уворачиваясь от смертоносного росчерка. В его глазах вспыхнул холодный огонь.

— Надо же. Я принял все меры предосторожности, сменил облик, а великий Божественный владыка Сюань Ли все равно меня признал.

Из лесной чащи неторопливо вышел Сюань Ли.

— Не вскинься ты на Цанхэ во время боя, я бы и не посмотрел в твою сторону, — глухо отозвался он. — Весь этот год я был слишком занят обучением своего преемника, вот и оставил тебя без присмотра. Но, похоже, без хорошей порки твои кости совсем застоялись. Не так ли, Гуй Инь?

Ван Нин оскалился, его лицо исказилось от бешенства:

— Сюань Ли! Не наглеЙ!

— Ты сам явился ко мне на порог, — Сюань Ли равнодушно пожал плечами. — Было бы верхом неуважения с моей стороны отпустить тебя без доброй трепки после всех твоих трудов.

Гуй Инь прищурился, в его голосе проскользнули змеинные нотки:

— Гляжу, Божественный владыка сегодня на редкость благодушен. Неужто... ты наконец все понял?

Сюань Ли опасно прищурился.

— Значит, не зря ты рисковал, являясь на гору Цанъи. Твоя цель с самого начала оставалась прежней. Гуй Инь, тогда, в Кровавом царстве бесконечности, ты заманил его в ловушку и погубил. Когда мне открылась правда, я поклялся уничтожить тебя под корень. Но задумывался ли ты когда-нибудь, почему тебе раз за разом удавалось уходить от моего меча?

Гуй Инь издевательски хмыкнул:

— Только не говори, будто ты милостиво даровал мне жизнь.

— Именно так, — чеканно произнес Сюань Ли. — До недавних пор в этом подлунном мире оставались лишь двое, кто помнил его: я и ты. Убей я тебя — и последняя нить, доказывающая, что он когда-то дышал под этим небом, оборвалась бы навсегда. Но теперь он вернулся. Я мог бы прикончить тебя прямо здесь, но знаю: долги прошлой жизни он пожелает взыскать лично. Поэтому сегодня я ограничусь предупреждением. Не смей лезть к нему. Если дернешься еще раз, клянусь, я отрублю тебе руки и ноги, вырву язык и оставлю гнить заживо, пока он не восстановит силы и не решит, что с тобой делать!

Гуй Инь нутром почуял, что тот не шутит. И все же заставить себя поверить в превосходство противника его гордыня не позволяла.

— Красивые сказки, владыка. Вот только силенок-то хватит...

Договорить он не успел.

Сюань Ли неуловимым движением призвал меч Текучий Свет. Тонкие пальцы сплели сложную печать, и в то же мгновение небеса над лесом вскипели стальным ливнем. Гуй Инь презрительно усмехнулся: этот трюк сработал против ничтожества вроде Сюань Чжэня, но направлять его на грозного демиурга тьмы — глупая дерзость. Он небрежно вскинул руку, воздвигая призрачный щит.

Но стоило первым лезвиям коснуться преграды, как спесь Гуй Иня мгновенно испарилась. Купол затрещал. Тяжесть обрушившегося удара едва не вдавила его в землю.

"Нет... Это не та игрушка, что была на арене! — с ужасом понял он. — Это... его истинная мощь?!"

Стальной ураган не утихал. Вторая волна призрачных клинков заставила защитный барьер пойти глубокими трещинами. Понимая, что третью лавину его щит не выдержит, Гуй Инь торопливо выкрикнул:

— Ладно! Твоя взяла! Я клянусь: пока Демонический владыка Лазурных земель не восстановит прежнее величие, я и пальцем его не трону!

Сюань Ли взмахнул рукавом, и смертоносный ливень мгновенно растворился в воздухе, словно его и не было.

— Смотри, держи слово, — ледяным тоном обронил он и, развернувшись, скрылся в направлении горы Цаньи.

Гуй Инь проводил его долгим, полным яда взглядом. Он зловеще усмехнулся.

"Пока не восстановится?.. Идиот. Твой драгоценный владыка уже все вспомнил, ты просто не ведаешь об этом. А значит, моя будущая игра не станет нарушением клятвы".

Поздним вечером во Дворце Небесного Механизма горели свечи. Сюань Ли сидел у постели раненого Линь Цанхэ, беззвучно меняя повязки.

Тяжелые шаги нарушили тишину. В покои вошел хмурый Сюань Цин. Склонив голову, он глухо позвал:

— Шисань.

Сюань Ли даже не повернулся, продолжая следить за ровным дыханием ученика.

— Да, брат? Что-то стряслось?

— Скажи мне правду, — процедил тот. — Каково твое истинное Царство?

Сюань Ли тихо выдохнул, понимая, что отпираться бессмысленно.

— Видно, утаить не выйдет. Седьмой уровень Царства великой пустоты.

Воцарилось долгое, тягучее молчание. Лицо Сюань Цина сделалось каменным.

— Мужун Шисань... — наконец ледяным шепотом произнес он. — Выходит, все эти годы на наших тренировках ты просто поддавался мне, сводя поединки к ничьей?!

Пальцы Сюань Ли дрогнули. "Проклятье, совсем позабыл про это", — пронеслось в голове. Он поспешно обернулся:

— Брат, я вовсе не...

— Неужели ты думал, — жестко перебил его Сюань Цин, — что я настолько жалок, что не перенесу поражения от собственного младшего брата?

— Да нет же, брат, выслушай! — Сюань Ли замахал руками, пытаясь сгладить неловкость.

— Довольно, — отрезал тот, гордо выпрямляя спину. — Отныне и на ближайшие сто лет забудь о моих вызовах. Но когда этот срок истечет, я приду за реваншем. И пощады не жди.

Сюань Ли прижал ладонь к лицу. Ну вот опять. Откуда эта дурацкая мода на столетние обеты? Точь-в-точь как у их покойных наставников в свое время. Не хватало только, чтобы на их веку грянуло новое нашествие демонов, требующее героической смерти ради спасения Дао.

"ТЬфу-тьфу-тьфу, — мысленно сплюнул Сюань Ли, — еще накаркаю на свою голову".

Сюань Цин резко развернулся и зашагал к выходу. С каждым шагом его плечи опускались все ниже, словно придавленные невидимой плитой.

"Вершина великой пустоты... — горько усмехался он про себя. — А я, застряв в Царстве сокровенного превращения, каждый день набивался к нему в соперники. Какое посмешище".

Последующие состязания между бессмертными и демонами принесли ордену мало радости. В битвах учеников силы разделились поровну: одна победа, одно поражение и одна ничья. Однако в сражениях глав дворцов их ждал полный провал. Сюань Чжэнь валялся на смертном одре после взбучки, Сюань Цин заперся в пещере для уединенной медитации, а Сюань Ли и носа не казал из своего Дворца Небесного Механизма. В отсутствие сильнейших бойцов поражение было предreshено.

Линь Цанхэ очнулся лишь на четвертые сутки. Стоило ему открыть глаза, как все тело отозвалось такой дикой, выворачивающей болью, будто кости пропустили через камнедробилку. Из груди юноши вырвался тихий, натужный стон.

В горле пересохло, словно после недели в пустыне. Он попытался приподняться на локтях, чтобы дотянуться до кувшина с водой, но тут же замер: у самого края постели, уронив голову на сложенные руки, спал Сюань Ли.

Сердце Цанхэ дрогнуло. Он невольно протянул руку и осторожно коснулся темных шелковистых прядей, рассыпавшихся по покрывалу. Волосы скользили сквозь пальцы, прохладные и гладкие. Еще в Кровавом царстве, будучи великим Лань И, он тайком заглядывался на эти волосы, завидуя их безупречной мягкости. Теперь же он не удержался и принялся аккуратно накручивать локон на палец, боясь спугнуть это редкое мгновение покоя.

— И долго ты намерен забавляться с волосами своего наставника? — раздался тихий, сонный голос.

— Очень... Ох! — Цанхэ испуганно отдернул руку и густо покраснел. — Наставник! Вы... вы уже проснулись?

Сюань Ли медленно поднялся. Его взгляд, обычно мягкий и ленивый, сейчас так обдал холодом, что Цанхэ невольно поежился — показалось, будто в комнату ворвался ледяной северный ветер. Ни в этой жизни, ни во времена их кровавой юности Сюань Ли никогда не смотрел на него столь сурово.

— На... наставник, — сглотнув слюну, пролепетал юноша. — Пожалуйста, не смотрите так. Мне правда не по себе! Аж мороз по коже дерет. Сами гляньте, если не верите.

Он вытянул бледную руку из-под одеяла, сиюсь разрядить обстановку. Сюань Ли молча отвел взор и отвернулся спиной к постели.

Цанхэ прекрасно понимал причину этого безмолвного гнева: учитель злился, что он неоправданно рисковал собой ради победы. Медлить с покаянием было нельзя.

— Наставник, — тихо позвал он, преданно заглядывая со спины. — Цанхэ осознал свою вину. Клянусь, я больше никогда не стану так безрассудно лезть на рожон. Не сердитесь, прошу вас.

Пытаясь придвинуться ближе, он неосторожно дернулся и тут же хрипло охнул от резкой боли в ребрах.

Сюань Ли мгновенно позабыл о своей суровости и резко обернулся. На его лице читалась неподдельная тревога:

— Где болит? Очень сильно?

Цанхэ едва заметно улыбнулся и тут же соорудил самую жалобную гримасу, на какую был способен:

— Ужасно... Всё тело будто огнем горит.

Сюань Ли бережно прижал пальцы к его запястью, проверяя биение пульса.

— Раны глубокие, придется полежать. Ближайшие дни никуда не вставай. Мне нужно ненадолго отлучиться, если что понадобится — позови дядюшку Фу.

— Куда вы уходите? — Цанхэ испуганно вскинул голову. — Вы все еще сердитесь на меня? Наставник, я ведь пообещал! Пожалуйста, простите неразумного ученика на первый раз.

Он робко ухватился пальцами за широкий шелковый рукав учителя. Глядя на эту побитую, заискивающую сиротку, Сюань Ли обреченно вздохнул. Сердце его окончательно оттаяло.

— Запомни свои слова. Если посмеешь повторить этот фокус...

— Никогда! Клянусь головой! — закивал Цанхэ с живостью воробья, клюющего пшено.

Сюань Ли потрепал его по растрепанной макушке.

— Набирайся сил. Я вернусь через пару дней.

Оставшись один, Цанхэ облегченно выдохнул. Гроза миновала. Но тут же в его душе зашевелилось любопытство: куда это Шисань сорвался в такой спешке, едва дождавшись его пробуждения?

Покинув спальню, Сюань Ли заглянул в библиотеку, вполголоса отдал несколько распоряжений дядюшке Фу и, призвав меч, растворился в небесной вышине.

Два дня спустя Линь Цанхэ, уже способный сидеть без посторонней помощи, лениво потягивал ароматный настой, когда тишину покоев нарушил оглушительный грохот. Входная дверь распахнулась от мощного пинка, и на пороге возник Сюань Ли — взъерошенный, покрытый дорожной пылью, но с лихорадочным блеском в глазах.

— Наставник?.. — опешил юноша, едва не выронив пиалу.

Договорить ему не дали. Он в два шага преодолел расстояние до постели и бесцеремонно впихнул ему в рот нечто круглое, источающее сильный травяной аромат.

— Глотай! — скомандовал он.

Цанхэ послушно сглотнул. В ту же секунду по его пищеводу разлилось жидкое тепло, мягкой волной хлынувшее в меридианы. Поврежденные каналы затрепетали, жадно впитывая чистейшую духовную энергию.

— Учитель, это...

— Не отвлекайся! Закрой глаза и направь поток. Я помогу.

Сюань Ли прижал ладони к его спине. Прохладный, кристально чистый поток чужой силы мягко подхватил бушующую в теле Цанхэ энергию, бережно укладывая ее в уставший даньтянь.

Они провели в медитации весь остаток дня и всю ночь. Лишь когда первые лучи рассвета окрасили бумажные ширмы в золотистый цвет, он устало опустил руки.

— Ну как? — негромко спросил он. — Полегчало?

Линь Цанхэ мысленно прогнал духовную силу по кругу циркуляции и потрясенно распахнул глаза:

— Наставник! Я пробил барьер пятого уровня! Сразу три ступени за одну ночь!

Сюань Ли лишь недовольно нахмурился:

— Оставь свои ранги. Я про раны спрашиваю. Болит еще?

Цанхэ резво соскочил с постели, сделал пару взмахов руками и даже слегка подпрыгнул, демонстрируя абсолютную бодрость:

— Смотрите сами! Ни суставчика не ломит, зажило как на собаке!

Убедившись, что его подопечный действительно скачет горным козлом, Сюань Ли наконец расслабился. Значит, безумная двухдневная гонка по горным кручам стоила того. Внутреннее напряжение отпустило его, но вместе с ним ушли и последние крохи сил. В глазах великого владыки потемнело, колени подогнулись, и он безвольно повалился вперед.

Цанхэ среагировал мгновенно: рванулся навстречу и поймал обмякшее тело у самой земли.

— Наставник! Что с вами?! — в панике воскликнул он, судорожно нащупывая пульс на запястье Сюань Ли.

Проверив ток ци, юноша изумленно моргнул, а затем тихо, облегченно рассмеялся:

— Надо же... Просто заснул от усталости.

Он бережно подхватил спящего учителя на руки, уложил на постель и аккуратно натянул одеяло до самого подбородка.

Усевшись на край кровати, Цанхэ не мог отвести взгляда от этого лица. В полумраке спальни Сюань Ли казался удивительно хрупким, лишенным своей обычной царственной недостижимости.

"Как вообще человек может быть настолько красивым?.." — отрешенно подумал он.

Цанхэ медленно потянулся рукой к его лицу, замер на мгновение в нерешительности, а затем едва ощутимо коснулся ровной линии бровей. Сюань Ли во сне чуть заметно вздрогнул. Юноша испуганно отдернул пальцы и замер, затаив дыхание. Больше он не смел тревожить спящего, лишь сидел рядом, охраняя его покой.

"Если я не ошибаюсь, ты скормил мне легендарный цветок Сала", — мысленно рассуждал Цанхэ.

В древних трактатах писали:

"Жизнь поденки — от зари до заката, но горше участь смертных, не узревших Сала"

Это редчайшее растение распускалось лишь раз в сутки, являя миру единственный бутон всего

на пару мгновений. Цветок Сала рождался и погибал в мгновение ока, не оставляя людям надежды застать его цветение. О его существовании слагали легенды, но воочию его видели единицы.

"Создатель «Канона ста трав» потратил десять лет скитаний лишь ради того, чтобы однажды зарисовать этот призрачный бутон. Еще сто лет ушло у него на то, чтобы сорвать хотя бы один цветок, и целое тысячелетие — чтобы постичь его сокровенные свойства. Сала не просто дарует прочную основу для совершенствования, но и за раз прибавляет добрый десяток лет чистой духовной практики, попутно исцеляя любые, даже смертельные раны. Однако сорванный цветок угасает за два стража — четыре часа, после чего превращается в бесполезный прах.

Когда-то искатели бессмертия безумствовали в попытках добыть это чудо, но, потеряв сотни жизней в бесплодных поисках, отступились. Так и родилась та печальная поговорка.

И все же... ты отправился на поиски этой мифической редкости только ради того, чтобы за пару дней затянуть мои царапины, на которые у меня ушел бы от силы месяц.

Шисань... Ты заботаешься о моей сохранности точно так же, как и в прошлой жизни".

Глаза Линь Цанхэ заволокла влажная дымка.

"Шисань, глупый ты человек... За такую преданность мне, право слово, и отплатить-то нечем. Разве что отдать тебе самого себя..."

Лишь к закату Сюань Ли завожился под одеялом и сладко потянулся. Глядя на угасающие лучи солнца, скользящие по полу, он пробормотал:

— Старею, видать. Сбегал на прогулку, а дрыхну целые сутки.

В этот момент ширма бесшумно отодвинулась, и в комнату вошел Цанхэ с подносом, уставленным исходящими паром тарелками.

— Наставник, вы как раз вовремя, — с теплой улыбкой произнес он. — Прошу к столу.

Сюань Ли подошел к столу. При виде ломящихся от яств тарелок он довольно прищурился, хотя для проформы он все же проворчал:

— Зачем столько наготовил? Перевод продуктов, чистой воды баловство.

— А вы съешьте все дочиста, тогда и перевода не будет, — весело парировал Цанхэ.

Сюань Ли присел на циновку и, окинув взглядом комнату, поинтересовался:

— А где дядюшка Фу? И змейки нашей лазурной не видно.

— Дядюшка уже отужинал у себя. А Лазурный удав... бог его знает, в какую нору он забился. Опять ушел в глухую медитацию, приползает раз в неделю, едва живой от усердия.

— Понятно.

Когда с ужином было покончено, Сюань Ли сыто откинулся назад и тихонько икнул:

— Должен признать, Цанхэ, стряпня твоя становится изысканнее день ото дня.

Юноша, ловко собирая пустые пиалы, тепло улыбнулся:

— Раз наставнику по душе, я готов готовить вам хоть до конца вечности.

Жестокий урок, полученный в схватке с Наньгуном И на Празднике двух девяток, глубоко врезался в память Цанхэ. Не окажись у него под рукой Жемчужины Сюань Ли, его кости уже давно бы сгнили в безвестной могиле. Пропасть, отделявшая его от истинных мастеров — и особенно от невероятной силы самого Сюань Ли, — лишила его всякого покоя. Сразу после исцеления он забросил все праздные дела и полностью погрузился в тренировки.

Пролетел год. Благодаря упорству и заложенному в его душе древнему началу, Цанхэ совершил почти невозможное: достиг пика седьмого уровня, вплотную приблизившись к порогу Человеческого ранга.

В один из погожих дней Сюань Ли, как обычно, полулежал на бамбуковой кушетке в саду, лениво наблюдая, как его ученик отрабатывает движения с мечом. Владыка самодовольно ухмылялся.

— Надо же, уже седьмой уровень... Что ни говори, а наставник из меня получился великий. С таким учителем и бездарь станет гением!

За последний год Сюань Ли почти не вмешивался в его тренировки, давая юноше возможность самому прочувствовать силу. Почувствовав на себе взгляд учителя, Цанхэ плавно опустил клинок, перевел дыхание и подошел к кушетке, почтительно склонив голову:

— Приветствую, наставник.

Сюань Ли лениво кивнул:

— Весьма недурно. Шаг твердый, удар верный.

Сидевший неподалеку с вязанкой хвороста дядюшка Фу не выдержал и язвительно хмыкнул:

— Ишь, соловей запел! "Учитель великий", тьфу, слушать срамно. Ты бы хоть совесть поимел, парень! Вспомни-ка, сколько раз за весь год ты к ребенку подошел подсказать да направить? Тот, кто здешних порядков не знает, решит, что сирота приبلудная в саду мается, а не ученик великого владыки. Мальчик сам, почитай, днюет и ночует с мечом, оттого и растет как на дрожжах. А твоей заслуги тут — кот наплакал!

Разумеется, старик ошибался. Сюань Ли вовсе не бросал подопечного на произвол судьбы. Он прекрасно видел, что Цанхэ твердо встал на верный путь. Преодоление порога Человеческого ранга требовало времени и выдержки; главное здесь было — не торопить события и не дать жажде скорого успеха сжечь духовные каналы. Поэтому он умышленно держался в стороне, давая силе Цанхэ устояться самостоятельно.

Цанхэ мысленно возмутился:

"Кто это тут бесполезный? Если бы не тайные подсказки Шисаня, разве смог бы я продвинуться так далеко? Он же ради меня всю душу вымотал, аж осунулся весь!"

Вслух же он произнес с предельной учтивостью:

— Ну что вы, дядюшка Фу. Без мудрого руководства наставника я бы до сих пор блуждал впотьмах. Мой успех — целиком его заслуга.

Дядюшка Фу от такой неблагодарности аж поперхнулся. Старик-то из лучших побуждений пытался приструнить нерадивого хозяина, а "жертва" сама бросилась на защиту своего мучителя!

— Ах так?! — в сердцах воскликнул дядюшка Фу, всплеснув руками. — Ну и ладно! Старый дурак решил помочь, да сам дураком и остался! Вот уж точно, после того поединка на горе Цанъи я здесь лишний. Всё, ухожу к себе в деревню, и ноги моей здесь больше не будет!

С этими словами старик демонстративно подхватил свою клюку и засеменил к воротам, поминутно оглядываясь.

Сюань Ли лишь поморщился, прикрыв глаза ладонью:

— Давай, скатертью дорога. И так от твоего ворчания в ушах звенит.

Уходить дядюшка Фу, конечно же, не собирался. Но после такого напутствия бедный старик окончательно растерялся: и шагу дальше ступить не может, и назад вернуться гордость не позволяет. Оказавшись в дурацком положении, он бросил на Цанхэ жалобный, умоляющий взор.

Цанхэ едва сдержал смех, глядя на эти безмолвные страдания.

— Дядюшка Фу, ну куда же вы? — ласково окликнул он беглеца. — Как же я тут без вас? Не уходите, пожалуйста. Я сегодня на ужин приготовлю то ваше любимое жаркое, идет?

Старик тут же ухватился за спасительную соломинку и с самым величественным видом повернул обратно:

— Ну, коли так... Исключительно ради уважения к тебе, малец, соглашусь еще немного потерпеть этого несносного типа.

Сюань Ли лишь хмыкнул, поднимаясь с кушетки. Он подошел к Цанхэ и дружески похлопал его по плечу:

— Послушай, парень. Ты весь этот год только и делаешь, что тренируешься. Утром — меч, в обед — медитация, ночью — дыхательные техники. Ты умудряешься совершенствоваться, пока ешь, пьешь и спишь. Уверен, ты даже в нужнике ухитряешься гонять ци по меридианам! Раз уж ты подобрался к Человеческому рангу, сделай передышку. Как насчет того, чтобы проветриться и прогуляться со мной за пределы ордена?

"Прогуляться?" — мысленно взывал Цанхэ.

Он пахал как проклятый круглые сутки целый год только ради того, чтобы доползти до Человеческого ранга. А этот бездельник перед ним уже вальяжно восседал на сияющей вершине Царства великой пустоты!

Между ними лежала пропасть в тридцать пять ступеней: от Человеческого ранга к Земному, затем к Небесному, следом — к Сокровенному превращению и, наконец, к Великой пустоте. И каждая новая ступень давалась вдесятеро труднее предыдущей, а на верхних уровнях практики застревали на целые столетия! Какое тут "проветриться", когда нужно землю грызть, чтобы хоть немного сократить это позорное отставание?

Качнув головой, юноша степенно ответил:

— Благодарю за заботу, наставник, но мои успехи пока слишком скромны. Я не смею позволить себе праздность...

Сюань Ли одобрительно прищурился.

"Трудолюбив, чертяка. Сразу видно — душа древнего артефакта. Вот только в мире смертных одним лишь упрямством стены не прошибешь".

— Похвальное рвение, — мягко проговорил он. — Но видишь ли, Цанхэ... Переход на новый ранг не совершить голыми руками. Для этого всегда требуются внешние проводники силы. Я заметил, что ты уже месяц топчешься на пороге седьмого уровня. Хотел было сводить тебя в одно место, раздобыть нужные ингредиенты для прорыва... Но раз уж ты так жаждешь продолжить свои затворнические бдения — что ж, сиди дальше.

В здешнем мире — будь ты праведным даосом или адептом тьмы — при достижении пика каждого ранга практик упирался в невидимую стену. Преодолеть ее и совершить прорыв можно было только с помощью костей зверя. Именно ради этого юные таланты из благородных семей так рвались под крыло великих орденов.

Ученикам, еще не достигшим Небесного ранга, наставники лично добывали нужные кости, охотясь на подходящих по силе тварей. И чем могущественнее был твой учитель, тем шире открывались перед тобой двери. Сильный мастер не только указывал верный путь в обход опасных рифов, но и мог одолеть чудовище невероятной силы, подарив своему преемнику идеальный фундамент для прорыва. По этой же причине до недавнего времени толпы искателей мечтали попасть в ученики к Сюань Чжэню, прославшему сильнейшим мечом ордена.

Цанхэ опешил.

"Для прорыва Человеческого ранга нужны кости зверя? Шисань, твою напрова, почему ты раньше молчал?!"

Теперь все встало на свои места. Последние недели он кожей чувствовал, что его меридианы переполнены чистой силой, готовой вот-вот прорвать плотину, но невидимый барьер упрямо держал оборону.

Юноша обиженно насупился:

— Наставник... Выходит, вы целый месяц молча наблюдали, как я тут из кожи вон лезу и извожу себя из-за того, что не могу сделать этот несчастный шаг?

Он даже не заметил, насколько естественно и привычно с его губ слетело это обращение — "наставник".

Сюань Ли примирительно выставил ладони вперед:

— Ну что ты, что ты. Какое там "месяц". Не больше двух недель, честное слово.

Дядюшка Фу, разумеется, не упустил случая вставить свои пять копеек:

— Ну каков шельма! И это называется "учитель от бога"? Да он же бессовестный пройдоха! Цанхэ, сынок, беги ты от него, пока не поздно. Найди себе нормального мастера, а не это недоразумение!

У Цанхэ от такого признания потемнело в глазах. Ладно еще в быту Шисань вел себя как капризный барин, но превращать вопросы совершенствования в шутку — это переходило все границы.

— Наставник, — выдохнул он, буравя Сюань Ли тяжелым взглядом. — Вам что, совсем заняться нечем? Право слово, я начинаю молиться о том, чтобы старший дядя Сюань Цин поскорее завершил свое затворничество. Глядишь, тогда у вас убавится времени на эти глупые розыгрыши.

После того памятного разговора на горе Цанъи Сюань Цин и впрямь словно сквозь землю провалился — за весь год ни разу не напомнил о себе. Поначалу он счел его столетнюю клятву простой вспышкой обиды, но теперь, глядя на пустующие горные тропы, засомневался. Он задумчиво перевел взгляд на высящийся в отдалении пик Дворца Небесного Вращения.

— Хм... А ведь верно говоришь. Интересно, как там мой гордый братец? Сумел ли продвинуться хоть на полшага, или все так же медитирует над своими старыми обидами?

Заметив легкую грусть, скользнувшую во взгляде наставника, Цанхэ тут же мысленно обругал себя последними словами.

"И дернул же меня черт за язык! Ну не дурак ли? Радоваться надо, что этот Наньгун Юй отстал от него и не мозолит глаза. А если Шисань сейчас сорвется и сам пойдет его проводить?.."

Юноша уже открыл было рот, чтобы спешно перевести тему, но Сюань Ли вдруг звучно хлопнул себя по лбу и с наигранным вздохом протянул:

— Ох... Раз уж мы вспомнили о драках. Что-то я совсем засиделся в четырех стенах, аж кулаки чешутся. Решено! Спускаюсь с горы — найду кого-нибудь и как следует намну ему бока!

Цанхэ мысленно выдохнул: "Слава богам, к Наньгуну Юю он не пойдет". Но тут же нахмурился. С каких это пор этот отпетый лодырь, способный пролежать на кушетке вечность, воспылал любовью к кулачным забавам? Наверняка ведь задумал очередную каверзу. И не факт, что не против собственного ученика! Полноте, а как же обещанный поход за костями зверя?

За последний год Шисань вообще стал до невозможности напоминать того капризного, несносного лекаря из их старой Хижины Лекарств. Никакого сладу с ним не было.

— Наставник... — нерешительно позвал Цанхэ. — Вы ведь только что собирались помочь мне с ингредиентами для прорыва?

Но договорить он не успел. В синем небе уже растаял серебристый росчерк — Сюань Ли, призвав меч, умчался вдаль, даже не оборачиваясь.

"Да чтоб тебя... Хотя бы слово замолвил, куда летишь!" — Цанхэ раздраженно потер лоб.

И у кого только этот несносный человек набрался привычки срываться с места без предупреждения?

Впрочем, ответ лежал на поверхности. Цанхэ обреченно вздохнул. Ну конечно, у кого же еще. Все его лучшие качества Шисань упорно игнорировал, зато эту дурную привычку перенял без труда.

Смирившись со своей участью, юноша призвал оружие и бросился вдогонку за стремительно угасающим следом учителя.

<http://bllate.org/book/18239/1751250>